

Социальные патологии: клинический подход к миру повседневной реальности

DOI: 10.19181/inter.2019.17.7

Игорь Масалков¹

Клинический взгляд на ситуацию усложняющегося общества и рост числа социальных патологий ставит вопрос о возможностях социальной терапии. В этой связи особый интерес представляет концепция «двойной связи», которая впервые была озвучена в 1956 г. Г. Бейтсоном при разработке теории шизофрении. В логической основе концепции «двойной связи» лежит понятие парадоксального послания как требования, основанного на двух противоречивых командах, несущего в себе очень серьезный травмирующий эффект. Концепция «двойной связи» рассматривает шизофрению не как болезнь конкретного индивидуума, но как определенную системную модель коммуникативных отношений в обществе, как социальное явление. Автор считает, что науки о человеке и обществе должны взять на вооружение эту концепцию, применив ее к анализу политического дискурса, а также к анализу практики социальных отношений в различных сферах.

Ключевые слова: клинический подход, деградация социальных отношений, двойная связь, парадоксальное послание, социальная шизофрения, анализ политического дискурса, ответственность власти за свои слова и действия

Социология все больше заимствует из языка и концептуального аппарата пограничных дисциплин, в частности, медицины и психиатрии. Эта традиция заимствования, восходящая к М. Фуко (Фуко, 1998) и сосредоточенная на изучении, прежде всего, индивидуально-субъективного, все больше перерастает в исследование социального, приспособляемая к социологическому дискурсу взятые из смежных дисциплин понятия травмы, стресса, патологии, социальной терапии, а в последнее время появился даже термин «патогенная социальная система» (Gaulejac, 2018).

Идея активного воздействия на социальные процессы является неотъемлемой частью направления клинической социологии, которое призвано помочь индивидам или отдельным социальным группам и организациям рационально

¹ Масалков Игорь – кандидат философских наук, старший научный сотрудник социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, igormasalkov@yahoo.fr

осмыслить свое место в хаосе общественных процессов (Gaulejac, 2012). При клиническом подходе речь идет, как правило, не только о субъектах терапевтического воздействия – индивидах, группах, организациях – но и о концентрации внимания исследователя на отдельных ситуациях, социальных контекстах, которые рассматриваются под углом зрения их частных особенностей, специфики (Масалков, 2009).

Оттуда же, из клинического подхода, пришло представление о возможных социальных патологиях как социальных явлениях, свойственных современному усложненному миру. Как утверждает французский социолог-клиницист Винцент де Гольжак (Gaulejac, 2018), каждое общество, каждая культура, построены на наборе представлений, причем одни представления могут исключать другие. Подобное явление называют социальным парадоксом – противоречием, которое субъектам сложно разрешить. Говоря иными словами, человек как субъект познания во многих случаях избегает определенного вида знания либо потому, что такое знание наносит ущерб его интересам или убеждениям, либо потому, что оно ставит под угрозу его психологическое равновесие, подрывает его представления о политическом и социальном порядке.

Вместе с тем, возникает вопрос: всегда ли существует связь между социальным парадоксом и социальной шизофренией, как утверждают исследователи школы Пало-Альто? Можно ли отдельную социальную структуру или общество в целом считать шизофреничным? В этом контексте возникают и следующие вопросы: если такая связь и наблюдается, то является ли это свидетельством переходного момента в жизни общества в условиях кризиса или это особая модель современного общества?

Так, В. де Гольжак (Gaulejac, 2018) считает, что неправомерно вести речь о «патологизации» социального мира. Организации, как и общество, не имеют ни тела, ни психики, поэтому они вряд ли могут «заболевать» или впадать в состояние патологии. Самое большее, о чем можно здесь говорить, это «патогенные социальные системы»: у людей, живущих в таком обществе, развиваются соматические или психосоматические симптомы и наблюдается ухудшение психического и физического здоровья. Для дискутирования относительно подобных вопросов обратимся к практике социальных отношений в различных сферах общественной жизни, используя словарь британо-американского антрополога Грегори Бейтсона (Bateson Gregory, Бейтсон, 2000) и его концепции «двойного послания».

Каждый из нас может привести примеры, когда в своей повседневности мы сталкиваемся с необходимостью противостоять совершенно несовместимым требованиям, вызывающим чувство, что окружающий мир стал бессвязан, хаотичен, иррационален. К примеру, если в семье каждый из двух родителей требует от ребенка в отношении себя исключительного поведения, например, приоритетного внимания, то это создает для ребенка два противоположных послания – кому же все-таки в первую очередь оказывать внимание? – что в результате провоцирует его замешательство. В этом случае существует несколько путей для интерпретации ребенком сигналов родителей, от несоответствия «высказанного» и «невывыказанного» возникает внутренний дискомфорт. В современных обществах ситуации, где действуют такие противоречивые требования, множатся. Если впервые это явление исследовалось в сфере семейных отношений, то сегодня, как мы видим, оно может проявляться в сферах производства, образования, экономики и политики. В результате происходит непрерывное увеличение таких симптомов, как стресс,

профессиональное истощение, рост числа профессиональных заболеваний. Отдельные элементы подобной ситуации наблюдаются и в России.

Феномен несовместимых социальных требований как одна из причин возникновения социальной патологии исследуется в зарубежной социологии при помощи понятия парадоксальных посланий (Бейтсон, 2000) в различных сферах социальной реальности. Это понятие легло в основу идеи double bind (двойного увязывания), которая впервые была озвучена в 1956 г. Г. Бейтсоном и его сподвижниками из так называемой «группы Пало-Альто» (США) в ходе разработки теории возникновения шизофрении (Бейтсон, 2000). На уровне семьи они подробно изучали нарушения в характере коммуникации, когда одновременно высказываются противоречивые указания. Г. Бейтсон рассматривал эту ситуацию на примере общения некоторых матерей со своими детьми: на словах матери говорят, что они любят своих детей и рады их видеть, но при этом отстраняются, когда ребенок тянется в объятия. Если одна и та же рука одновременно тебя и гладит, и бьет, то в голове возникает смятение.

«Всякое слово или жест имеет два значения – буквальное и метафорическое. Бейтсон рассказывает о типологии отношений между ними и, конкретно, о последствиях их расхождений. Вся его философия есть апология метафорического, утверждение самостоятельного значения метафоры как особой сущности – семиотической, терапевтической, политической. Он рассказывает о том, что метафора – это не литературный троп, а логический тип коммуникации между людьми, животными, обществами и, возможно, компьютерами; что метафорический смысл сообщения живет своей жизнью и может систематически отличаться от его буквального значения; что субъект свободен или несвободен в выборе логического уровня, на котором он общается; что несвобода этого выбора ведет к тяжким последствиям вроде шизофрении» (Эткинд, 2000).

В отечественной литературе продолжается дискуссия по поводу перевода термина double bind как «двойной связи», «двойного увязывания» или же «двойного предписания». Однако, по нашему мнению, весь этот перечень переводов не передает основного семантического смысла термина double bind, в основе которого лежит коммуникативная ситуация, где субъект получает две противоречивые команды, принадлежащие к разным логическим типам коммуникации. Например, вербальное послание приказывает один способ действий, тогда как параллельно, в конкретных ситуациях, выражается противоречащее ему требование, которому следует подчиняться, если ты хочешь избежать наказания за его неисполнение. Пример такого предписания: «Приказываю тебе не выполнять моих приказов». Или девушка говорит своему молодому человеку: «Я хочу иметь от тебя ребенка, но, чтобы он не был похожим на тебя!» В таком случае оба предписания взаимно исключаются или блокируются. При этом субъекту запрещено возражать или хотя бы высказываться о том, что приказание запутанно, противоречиво.

Согласно подходу Бейтсона и его группы, ситуация «двойного послания» может стать предпосылкой к развитию в дальнейшем шизофрении, если подобная семейная ситуация присутствовала в детском опыте индивида. По идее Бейтсона, для развертывания такого «двойного послания» необходимо наличие ряда условий: подобное состояние может развиваться в ситуации тесных аффективных или материальных отношений с другим человеком или группой людей; послания касаются очень важных для него вопросов; человек, получающий такое послание, воспринимает противоречивые предписания на различных уровнях коммуникации – вербальном и невербальном; человек,

получающий «двойное послание», не может или не хочет прекращать общение и выйти из ситуации.

У человека, получающего «двойное послание», возникает стремление оправдаться перед собеседником или перевести разговор в иной контекст. К примеру: жена упрекает мужа в том, что тот давно не дарил ей подарков, акцентируя временной контекст. На что тот справедливо замечает, что подарил ей цветы неделю назад. В ответ супруга меняет контекст сообщения: цветы – это не подарки, или: неделю назад был праздник, а ей хочется получать подарки и просто так.

Хотя парадоксальные послания существуют только в форме слов и жестов, тем не менее, они оказывают серьезное травмирующее воздействие, создавая у получателя ощущение тупика, поскольку приходится выбирать между двумя неприемлемыми вариантами. В ответ сознание индивида раздваивается, он «тупеет», «тормозит» и так далее. Иными словами, вышеперечисленные условия создают систему коммуникации, при которой получатель становится жертвой, – а это приводит к тому, что он общается так, будто ожидает наказания и не имеет возможности высказывать своего мнения.

В своих исследованиях Г. Бейтсон показал, что ситуационный страх наказания и попытка его избежать постепенно приводят к формированию привычного типа поведения шизофреника, при котором человек избегает говорить от своего лица, стремясь к обобщениям – «мы», «с нами» – как будто стремится спрятаться, исчезнуть, быть незаметным для собеседника. Такой человек избегает также сообщать о том, какого рода сообщение он передает: буквальное или метафорическое, ироническое или прямое. Под воздействием парадоксального послания человек оказывается в ловушке. Как следствие, он обречен в межличностных отношениях на один из вариантов шизофренического поведения, описанный П. Вацлавиком (Нардонэ, Вацлавик, 2006).

Идентификация «двойного послания» стала дополнительным средством понимания и терапии патологических отклонений в системе коммуникации. «Двойное послание» может провоцировать блокировку коммуникации, что влечет за собой серьезные последствия в области индивидуальных патологий.

Фото 1. Британо-американский антрополог Грегори Бейтсон (1904–1980)

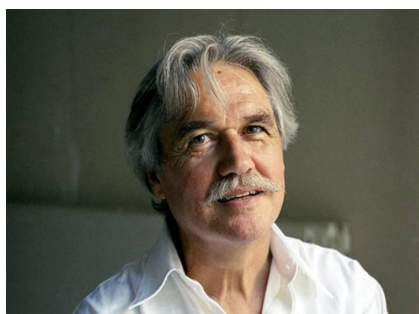

Фото 2. Винцент де Гольжак — французский социолог-клиницист, соавтор книги *Le Capitalisme paradoxant. Un système qui rend fou* (Вызывающий парадоксы капитализм. Оболванивающая система)

Бейтсон полагает, что шизофреник не способен различать уровень высказывания и уровень метавысказывания, поскольку в ситуации «двойного послания» любая его интерпретация будет грозить ему психологическими санкциями со стороны собеседника.

Первично мы начали анализировать последствия «двойных посланий» в психопатологических терминах на индивидуальном уровне. Изучение отдельного человека в его уникальной ситуации позволяет понимать механизмы и последствия такого процесса на более высоком уровне социальности (Witzeaele, 2008). Рассмотрим же влияние этого социального феномена на разных уровнях социальности.

Парадоксальные послания существуют не только на уровне и в пространстве отдельно взятого индивида. Французский социолог Э. Морен в своей теории комплексности (Morin, 1990) подчеркивает, что каждый элемент, принадлежащий к данной системе, содержит в себе характеристики этой системы как целостности. Каждый случай иллюстрирует процессы, имеющие место в организации в целом, и каждая организация является продуктом общества, производству которого она способствует. Отношения между индивидом, организацией и обществом носят системный и рекурсивный характер. Это означает, что каждый из них одновременно является продуктом и производителем того, что его производит: индивид или организация являются продуктами и производителями общества, которое их производит.

Коммуникативные ситуации «двойного послания» на семейном уровне

Здесь приходится сталкиваться с парадоксальными требованиями членов семьи друг к другу, которые не могут быть исполнены. Можно привести такие часто встречающиеся примеры, как: жена настаивает, чтобы муж был инициативным, брал на себя ответственность за ее благополучие, но в то же время вел ее только туда, куда желает она сама. Это создает два противоположных послания, которые провоцируют замешательство. Влияние на социум большого числа семей, имеющих шизофреногенную составляющую, в которых мать играет ведущую подавляющую роль, а мужчина недостаточно инициативен, огромно. Они делают наш мир повседневности во многом шизофреничным. Мы говорим и делаем не то, что хотим говорить и делать. Мы скрываем от других, а порой и от самих себя, свои чувства. Мы что-то утаиваем, все время выкручиваемся в надежде на выгоду, или всю жизнь жертвуем настоящим ради мифического будущего.

«Двойное послание» в общественных взаимодействиях

Американские авторы концепции «двойного послания» рассматривали шизофрению (раздвоение личности) не только как болезнь конкретного индивидуума, но как определенную системную модель отношений в обществе (Gaulejac, 2018). Утрата смысла, проживаемая многими современниками, является выражением постоянно пребывающего в состоянии кризиса общества в целом, процессы в котором все более и более становятся бессвязными и хаотичными. Растущий индивидуализм и, в терминологии Ж.-Ф. Лиотара, «кризис великих нарративов» (Лиотар, 1998) отгораживают людей от ориентиров, которые прежде определяли смысл и значимость существования. В социальной коммуникации более высокого уровня есть своя специфика: сообщение и контекст, как правило, находятся на разных уровнях и не сопрягаются. Контекст может прямо противоречить предписанию, но получатель

не в состоянии разрушить сообщение или устранить противоречие. На уровне предписывающих лозунгов и призывов мы имеем одно, а реальность преподносит нам обратное. Возможно расширить круг коммуникативных ситуаций «двойного послания». На предприятиях и на уровне общества в целом имеют место серьезные явления, связанные с подобными парадоксальными посланиями.

Социологи фиксируют возможность изменения социальных функций организаций, которые уводят ее деятельность в сторону от первичных целей, ради которых они изначально были созданы. С определенного момента эти организации кажутся более заинтересованными в обеспечении собственного воспроизводства, чем в выполнении миссии, которая оправдывала их создание. Первоначально задуманная как оперативная система для выполнения важной функции, организация скатывается к работе на собственное экономическое и личностное благополучие. В качестве примера можно привести деятельность государственных учреждений, подчиняющихся правилам управленческого менеджмента, которые извращают свою первоначальную функцию (образование, здравоохранение, научные исследования, охрана порядка), чтобы адаптироваться к стандартам международных рейтингов, к культуре клиента, к распоряжениям по сокращению персонала.

Парадоксы «двойного послания» в информационном поле

С одной стороны, в современном мире власти стараются максимально использовать прекрасную возможность декларировать разумную стратегию развития и выдавать свои фантазии за информацию о реальности, благородно приукрашивая отдельные ее черты. С другой стороны, разговоры в социальных сетях или, например, опубликованная на сайте WikiLeaks дипломатическая переписка становятся лучшим заменителем новостных программ на центральных каналах телевидения, разрушая сакральность власти. Перед лицом имеющегося несоответствия — диссонанса между тем, что он «видит», и тем, что он «должен был бы» видеть или испытывать, обыватель оказывается в ситуации парадоксального послания и рискует оказаться наказанным или почувствовать себя виновным — «безумным».

Последствия такого парадокса наблюдаются, например, в сфере образования (Покровский, 2004). В течение столетий университетское образование выстраивалось как просветительская миссия. Однако в современных условиях во всех западных странах и в России университетами ставится на первое место экономическая сторона, сводящаяся, в основном, к достойному поддержанию инфраструктуры и столь же достойному поддержанию деятельности преподавателей. Университеты превращаются в зарабатывающие деньги корпорации. Факультеты, кафедры и даже отдельные преподаватели рассматриваются теперь под особым углом зрения «доходоприносящих» студентов и «грантоспособных» преподавателей.

Критерий «доходоприносящих» студентов обнаруживается в новом статусе студентов как покупателей на рынке образовательных услуг, предлагаемых университетом. При этом используется ресурс иностранных учащихся, практически не владеющих языками обучения и получающих в результате обучения полноценные дипломы. С одной стороны, имеет место управление учебным процессом с использованием «мягких» технологий и бесконфликтности в отношениях со студентами-клиентами, а с другой стороны, российские университеты, лишившись своей исключительной роли, находятся со стороны государства под подозрением в том, что воспитывают не в нужной системе норм

и ценностей. В результате сотрудники вузов перестают ощущать, что служат интересам общества, наблюдается тот самый парадокс «двойного послания», о котором писал Бейтсон. Преподаватели проживают как травму необходимость ставить себя на службу новым ценностям, таким как эффективность, рентабельность, адаптация к рынку. В этом контексте, с того момента, как организация создает ценности, находящиеся в противоречии с общественными интересами и унаследованными от предшественников ценностями, происходит потеря смысла, демотивация и психологический стресс на рабочем месте.

Управленческая идеология в сфере труда рассматривает человека как ресурс, а не как субъекта. В ее логике, человек представляет собой рабочий инструмент для обслуживания финансовых, операционных, технических целей. Парадокс начинает использоваться в качестве инструмента управления (Gaulejac, 2009; 2018). Он заставляет сотрудников коллективно принимать методы управления, которые они не одобряют индивидуально.

Заключение

На основании приведенных примеров можно заключить, что семья, организация и общество могут стать создателями парадоксов. Длительное вынужденное нахождение в пространстве парадоксальных посланий ведет к расщеплению сознания и подчас даже к необратимым генетическим травмам, передающимся следующему поколению. Поэтому недостаточно провести анализ логики и структуры коммуникации. Необходимо проанализировать, вплоть до «разборки» всех винтиков, возникновение порождающих парадокс систем и то, как каждая из них способствует созданию парадоксов, а затем и их воспроизводству.

Рассматриваемая нами концепция «двойной связи» позволяет выйти за рамки медицинской психиатрии и открыть новые пути для междисциплинарного видения шизофрении как социального явления и постановки вопроса об ее социальной терапии. Если все мы получаем и направляем окружающим парадоксальные послания помногу раз на дню, то вполне логично поставить задачу научиться их отслеживать и противостоять им. Американский психотерапевт П. Вацлавик говорит, что единственным выходом из парадоксального цикла является прочтение его в новых рамках, т.е. анализ ситуации на другом уровне, в измененном масштабе (Нардонэ, Вацлавик, 2006). В соответствии с его логикой, существует несколько типичных вариантов позитивного развития событий – выхода из травмирующей ситуации:

1. Бегство на неопределенное время из ситуации коммуникации как крайняя стратегия.
2. Публичное заявление об абсурдности ситуации.
3. Использование юмора, что развивает открытость и спонтанность, создает новое пространство для раскрытия творческих возможностей.
4. Частичное или полное устранение предписывающего характера послания путем разведения понятий «должен выполнить», «быть в состоянии сделать» и «хотеть сделать что-либо».
5. Выход на уровень метакоммуникации, т. е. коммуникации по поводу коммуникации в системе.

Принимая во внимание вышеперечисленные предложения, социологи-клиницисты говорят о том, что для совладания с негативными последствиями парадоксальных посланий недостаточно иметь «правильные» теории. Их нужно еще перевести в понятные лозунги. Не следует забывать, что пресловутая российская «пассивность» является скорее свидетельством отсутствия

практических средств для цивилизованного публичного выражения предпочтений и несогласия.

Российское общество никогда так не нуждалось в знании о самом себе, в элементах самопонимания, чтобы противостоять событийной сложности и пресловутой «потере смысла». Тем не менее, это требование времени не стало пока обращением за помощью к социологии и к социологам. Все наоборот: социология, скорее, отстранена, если не сказать, просто отброшена в сторону, – несмотря на то, что позицию социологии закономерно связывают с социальными реформами, позволяющими индивидам стать рефлексорирующими субъектами, субъектами права, субъектами желания и, в целом, социально-ответственными гражданами, а не быть легко используемыми приспособленцами.

Концепции, которые легли в основу этой статьи, позволяют по-новому взглянуть на природу социальных патологий, что, в конечном счете, может помочь различным политическим институтам корректировать свою коммуникативную модель поведения для созидания здорового общества. Осознание обществом обсуждаемых аномалий в их статике и динамике определяет степень зрелости общества, дает возможность прогнозировать его будущее развитие.

Литература

Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии / Пер. с англ. Д. Я. Федотова, М. П. Папуша. М., 2000.

Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н. А. Шматко. СПб., 1998.

Масалков И. К. Клиническая социология как пространство интервенции // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2009. № 5. С. 97–107.

Нардонэ Дж., Вацлавик П. Искусство быстрых изменений: Краткосрочная стратегическая терапия. М., 2006.

Покровский Н. Корпоративный университет: утопия, антиутопия или реальность? // Русский Журнал. Обзоры: Образование. 5 Августа 2004 [Электронный ресурс]. URL: <http://old.russ.ru/culture/education/20040805-pr.html> (дата обращения: 26.03.2018)

Фуко М. Рождение клиники. Археология врачебного взгляда. М.: Смысл, 1998.

Эткинд А. М. На пути к экологии разума // В кн.: Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии / Пер. с англ. Д. Я. Федотова, М. П. Папуша. М.: Смысл, 2000.

Gaulejac V. (de) La société malade de la gestion. Paris, 2009.

Gaulejac V. (de) La Sociologie clinique, enjeux théoriques et méthodologiques/avec F. Hanique et P. Roche. Toulouse, 2012.

Gaulejac V. (de), Fabienne H. Le Capitalisme paradoxant. Un système qui rend fou. Paris, 2018.

Morin E. Introduction à la pensée complexe. Paris, 1990.

Wittezaele J.-J. La double contrainte. L'influence des paradoxes de Bateson en Sciences humaines. Bruxelles, 2008.

Дата поступления: 20.02.2019

Social pathology: a clinical approach to the world of everyday reality

DOI: 10.19181/inter.2019.17.7

Igor Masalkov

Masalkov Igor – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher of the Faculty of Sociology of Moscow State University. M.V. Lomonosov, igormasalkov@yahoo.fr.

The clinical view on the situation of a complicated society and the increase in the number of social pathologies raises the question of the possibilities of social therapy. The concept of paradoxical messages is of particular interest here. Its cornerstone is the idea of a «double bind» which was first described in 1956 by G. Bateson when developing the theory of schizophrenia. The logical basis of the double bind is a requirement based on two contradictory commands. Paradoxical messages carry a very serious traumatic effect. The concept of the «double bind» considered schizophrenia not as a disease of a particular individual, but as a certain system model of relations in society, as a social phenomenon. The question of its social therapy is becoming urgent. The science of society also have adopted this concept of «double bind», applying it to the analysis of political discourse, and also to the analysis of the practice of international relations.

Keywords: clinical approach, degradation of social relations, double bind, paradoxical message, social schizophrenia, analysis of political discourse, responsibility of the authorities for their words and actions

References

- Bateson G. (2000) *Ekologiya razuma: Izbrannyye stati po antropologii, psikiatrii i epistemologii* [Mental Ecology: Selected Essays on Anthropology, Psychology and Epistemology]. Translated by D. Ya. Fedotova. M. P. Papusha. Moscow.
- Lyotard Zh–F. (1998) *Sostoyaniye postmoderna* [The State of Postmodernity]. Translated by N. A. Shmatko. SPb.
- Masalkov I.K. (2009) *Klinicheskaya sotsiologiya kak prostranstvo interventsii* [Clinical Sociology as the Space for Interpretation] Interaction. Interview. Interpretation, no 5, pp. 97–107.
- Nardone Dzh., Vatslavik P. (2006) *Iskusstvo bystrykh izmeneniy: Kratkosrochnaya strategicheskaya terapiya* [The Art of Quick Change: shorter-term strategy of therapy]. M.
- Pokrovsky N. (2004) *Korporativnyy universitet: utopiya. antiutopiya ili realnost?* [Corporative University: Utopia, Antiutopia or Reality] *Russkiy Zhurnal*. URL: <http://www.russ.ru/culture/education/20040805.html>
- Foucault M. (1998) *Rozhdeniye kliniki: Arkheologiya vrachebnogo vzglyada* [The Birth of the Clinic: An Archaeology of Medical Perception]. M.: Smysl.
- Etkind A.M. (2000) *Na puti k ekologii razuma* [On the Way to Mental Ecology]. In: Bateson G. *Mental Ecology: Selected essays on anthropology, psychology and epistemology*. Translated from English. M.: Smysl.
- Gaulejac V. (de) (2009) *La société malade de la gestion*. Paris.
- Gaulejac V. (de) (2012) *La Sociologie clinique, enjeux théoriques et méthodologiques/ avec F. Hanique et P. Roche*. Toulouse.
- Gaulejac V. (de) (2018) *Fabienne H. Le Capitalisme paradoxant. Un système qui rend fou*. Paris.
- Morin E. (1990) *Introduction à la pensée complexe*. Paris.
- Witzezaele J.-J. (2008) *La double contrainte. L'influence des paradoxes de Bateson en Sciences humaines*. Bruxelles.

Received at: 20.02.2019